

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

ЕКСТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА
СЛАВИСТОВ

ТЕКСТОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

*Доклады конференции
Ленинград, 25—30 мая 1971 года*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1973

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Каковы те принципиальные положения, которые можно считать наиболее прогрессивными в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы? Этих принципиальных положений десять.

1. Текстология — наука, изучающая историю текста произведения. Одно из ее практических применений — научное издание текста

Основное положение состоит в том, что текстология — не вспомогательная дисциплина, разрабатывающая технику издания текста, а самостоятельная наука, изучающая историю текста произведений.

Выводы текстологии могут быть использованы в самых различных областях: историей литературы, для художественной и идейной интерпретации произведения, в историческом источниковедении и в исторической науке в целом и пр., в эдиционной технике, которую следует рассматривать как особую область, практически применяющую выводы текстологии, но отнюдь не как самую текстологию.

Отношение «критики текста» к текстологии приблизительно такое же, как «химического анализа» к химии. Мы движемся от критики текста — к текстологии. Термин «текстология», введенный Б. В. Томашевским, представляется мне в высшей степени удачным. Он помогает осмыслить задачи изучения текста как особой науки.

Необходимо строго разделять вопросы «как изучать текст» и «как издавать текст». Это разделение, с одной стороны, дает свободу и простор для научного исследования текста и одновременно, с другой, освобождает практические задачи издания текста от необходимости неполно, эмпирически, частями решать отдельные вопросы истории текста для целей его издания. В этом разделении изучения текста и его издания техника остается техникой, а вопросы изучения текста — наукой.

2. Сперва изучить текст — потом его издать

Итак, текстология есть наука, изучающая историю текста; с этим положением органически связаны и другие.

Если текстология изучает историю текста и на выводах ее строится эдиционная техника, то это, иными словами, означает, что мы должны сперва изучить историю текста, а затем уже его издавать, но не издавать текст для последующего его текстологического изучения. Между тем, даже после основополагающих текстологических работ акад. А. А. Шахматова, очень часто бывает обратное: текст издается неизученным. Опыт показывает, что изучать историю текста по изданию, выполненному без предварительного исследования текста, невозможно.

Известны некоторые издания памятников, выполненные внешне очень аккуратно, с большим числом разночтений, но без тщательного изучения истории текста; в результате этими изданиями нельзя пользоваться для изучения текста, так как в качестве основных выбраны не те списки и разночтения смешаны из-за неправильной классификации списков. В этих случаях для установления истории текста произведения все равно приходится обращаться к рукописям. Только тогда, когда история текста изучена, и изучена по всем доступным спискам, можно определить, какие существуют редакции, какие редакции издавать, какие списки привлекать для издания и какими пользоваться приемами издания.

Предварительным изучением истории текста по всем спискам достигается и известная экономия в изданиях. Мы не можем расточительно публиковать все новые и новые списки по мере их открытия, без строгой классификации их, выполненной на основе изучения их истории.

3. Издание текста должно давать представление об его истории

Если издание текста строится на основании изучения истории текста, то издание должно в свою очередь давать представление об истории текста произведения, конечно, о тех ее этапах, которые имеют историко-литературную, источниковедческую или какую-нибудь иную ценность.

В этом отношении не все обстоит одинаково в различных областях литературы. Так, например, в древней русской литературе ценность имеют почти все этапы истории текста, за исключением, может быть, этапов, выходящих за пределы самой древней литературы, — XVIII и XIX веков. В древней русской литературе авторский текст не всегда лучший; иногда позднейшие этапы дают наиболее значительные в историко-литературном отношении тексты (например, в некоторых случаях истории русского летописания). Характер истории текста произведений древнерусской литературы имеет много общего с фольклором, где текст не только просто меняется, но часто и совершенствуется на позднейших этапах своего существования.

Иначе обстоит дело с произведениями античной литературы. Эти произведения существуют в переписке тысячелетиями. Исследователь обязан, конечно, изучать всю историю текста для восстановления так называемого авторского текста, для суждения о степени его измененности, но самостоятельная ценность последующих этапов развития текста сравнительно небольшая. Исследователей, да и читателей будет интересовать прежде всего текст самого античного писателя, а не его переделки. Работа переписчика, редактора произведения не сравнима с работой автора. Ни один переписчик не восстановит дефекты рукописей Эсхила, не допишет за автора конец утраченной драмы. Думаю, что он и не напишет сам что-либо более интересное, чем Эсхил.

В новой литературе интерес для изучения при наличии авторских рукописей и прижизненных автору изданий представляют по преимуществу эти последние, а не последующие этапы развития текста, если это развитие и существовало. Посмертные тексты представляют интерес только тогда, когда они смогут дать материал для выяс-

нения прижизненной истории текста. Впрочем, иногда и в новой русской литературе встречаются случаи, когда история текста произведения приближается по своему типу к древнерусской (агитационная политическая литература XIX в., «Горе от ума», «Путешествие из Петербурга в Москву» и др.).

Если исследование истории текста дает единственную научную возможность восстановления интересующих нас текстов для их издания, то как мы будем относиться к старым способам восстановления авторского текста или к старым способам восстановления архетипов, которые предпринимались сторонниками так называемой критики текста с ее разделением приемов на рецензию и эмендацию? Не считались ли и они также в какой-то мере с историей текста произведения?

По моему глубокому убеждению, державшиеся столетиями приемы критики текста — рецензия и эмендация текста — должны решительно отпасть. Да практически в текстологических работах специалистов по древней русской литературе они и отпали.

В самом деле, традиционные приемы критики текста, восстанавливающие авторский текст, рецензия и эмендация, по существу отрицают историю текста как единого целого, подменяя историю текста как целого примитивно понятой историей его отдельных мест. Переписчики якобы всегда портят текст, и надо эту порчу устранить путем по преимуществу конъектурального исправления каждого места в отдельности или исправления на основе чтений других списков.

Конкретная жизнь памятника не может быть вскрыта механическими приемами и подсчетами, как это предлагалось текстологической школой К. Лахмана, оказавшей огромное влияние на русскую медиевистику прошлого. Чтобы полностью восстановить историю текста, надо войти в историческую обстановку, детально знать исторические события, детально знать факты классовой и внутриклассовой борьбы. Текстолог должен вникнуть в психологию переписчика, ясно понимать причины ошибок писца и тех изменений, которые они вносят в текст; но в еще большей мере он должен знать его идейный строй, его идеологию, а также идеологию «заказчика» переписываемого произведения и т. д. Редакция текста, его виды и изводы представляют определенные этапы

жизни памятника. II исследователь-текстолог должен по возможности установить — какие это этапы, чем они вызваны, кем созданы.

На всем пути истории текста памятника стоят люди с их воззрениями, интересами, вкусами, навыками письма и чтения, особенностями памяти и общего развития. Из этих людей наиболее важен для нас автор произведения или его авторы, поскольку коллективное начало играет в древнерусской литературе очень большую роль, но значение имеют и редакторы, заказчики, переписчики, читатели, которые также оказывают влияние на судьбу текста. За всеми этими людьми в свою очередь стоят люди и люди: все общество в целом оказывает заметное и незаметное влияние на судьбу памятника.

История текста памятника, воспринимаемая как история идей и вкусов конкретных людей, выступает перед нами в тесной связи с историей всего общества.

Полное изучение истории текста произведения делает неправомерным выделение отдельных вопросов истории текста как требующих к себе особого внимания и изучаемых якобы особыми методическими приемами. Я имею в виду вопросы атрибуции и аттезсы, установления времени и места создания произведения. Вопросы атрибуции и аттезсы, определения времени и места создания произведения, его подлинности — все это лишь частные вопросы истории текста. Чтобы точно датировать произведение, необходимо полно и всесторонне изучить историю текста, датировать все его этапы, все списки. Тогда картина времени создания текста будет ясной и убедительной. Но то же самое нужно для определения авторства, подлинности и пр. Это вопросы, которые в той или иной мере требуют одинаковых данных и одинаковых исследований, и их не надо заново повторять каждый раз.

Авторство, дата произведения, место его создания, подлинность произведения — лишь частные вопросы истории текста. Чем полнее мы изучим историю текста произведения в целом, тем точнее мы сможем ответить на отдельные вопросы этой истории. Есть общие методологические приемы изучения истории текста, но нет особых, отдельных приемов установления авторства, датировки, подлинности произведения и пр.

4. Нет текстологического факта вне его объяснения.

На основании вышеизложенного ясно, что текстолог не имеет права удовлетворяться механической классификацией текстов. Необъясненный текстологический факт — еще не факт, так как внешне одинаковые изменения текста могут иметь совершенно различное происхождение, коренным образом изменяющее наше отношение к ним. Допустим, в списке отсутствует кусок текста. Это может быть результатом утраты листа, результатом невнимательности переписчика или его сознательным стремлением уничтожить какую-то часть текста, с которой он не согласен. Каждый раз перед нами особый случай; факты здесь различны при всей их внешней схожести.

Неустойчивые тексты древнерусских памятников не могут быть научно изданы без соответствующей научной интерпретации текста и его истории. Тексты выступают подчас в совершенно новом виде, когда они препарированы с помощью новой текстологической методики, успешно развивающейся за последние годы в изучении памятников древнерусской литературы. Текстолог обязан не только приводить факты, но и объяснять их. Ни один текстологический факт не может быть использован, пока не дано ему объяснения. Текстолог должен интересоваться не только тем, что произошло с текстом, но и тем, при каких обстоятельствах это произошло и почему. Регистрация изменений текста и объяснение этих изменений — не две различные исследовательские задачи, а единая задача, вызывающая необходимость при текстологической работе широкого литературоведческого исследования памятника в целом.

В самом деле, даже простое прочтение текста древнего памятника требует от текстолога интерпретации этого текста, сказывающейся на каждом шагу текстологической работы — в разбивке текста на слова, в расстановке знаков препинания, в выборе тех или иных чтений из различных списков и т. д. Все это уже требует своих объяснений, доказательств объяснений, исследования списков, языка памятника, его стиля, исторической обстановки и т. д. Текстология уже в этих элементарных случаях представляет собой историческую дисциплину — дисциплину, изучающую изменение текста, его динамику, а не статику.

5. Отдавать предпочтение показаниям сознательных (идеологических, художественных, психологических и пр.) изменений текста перед показаниями механических (бессознательные ошибки писца) изменений текста

Когда-то считалось, что механические изменения текста встречаются чаще, чем намеренные, и поэтому прежде всего следует считаться с ними. Это неправильно: простая порча текста не составляет еще его истории. История текста — это в первую очередь история его сознательных изменений, это история тех людей, которые за этим текстом стоят.

Увидеть за списками памятника, за его редакциями, вариантами и разночтениями конкретных людей во всем их разнообразии и разноликости — в этом и состоит искусство текстолога, которое сказывается во всех звеньях его работы.

Отсюда ясно, что текстолог должен особенно ценить те изменения текста, в которых сказывается сознательная работа его творцов. В каждом изменении текста текстолог пытается увидеть идейное или эстетическое волеизъявление его творца, и только если это не удастся, он признает это изменение результатом случая, механической порчи, ошибки переписчика.

Во всех изменениях текста текстолог ищет прежде всего сознательную волю автора, редактора, переписчика.

6. Изучать текст как целое
(принцип комплексности в изучении текста)

Очень важно признать, что текст изменяется как единое целое. В каждом тексте отражается индивидуальность переписчика, типичные вкусы, воззрения, его личное отношение к тексту, типичные для него ошибки. Поэтому изменения текста в переписке, а тем более при редактировании текста писцом, нельзя рассматривать порознь, видеть в них не связанные между собою безличные простые изменения. Необходимо все изменения текста на определенном этапе его развития рассматривать как целое и прежде всего искать в этих изменениях индивидуальность переписчика (обусловленную особенностями своей эпохи, своего класса, сословия, биографическими обстоятельствами и т. д.). Индивидуальность переписчика может отразиться как в сознательных изменениях текста, так и в «бессознательных» (вызванных теми или

иными ошибками памяти, зрения, слуха и пр.). Изменения текста должны изучаться послойно, т. е. разделяя изменения текста по различным эпохам, различным творцам текста, различным этапам работы этих творцов текста. Объяснения отдельных изменений текста в каждом слое должны согласовываться друг с другом, дополнять друг друга. Все изменения текста одного слоя должны характеризовать творца текста (автора, редактора, переписчика) как личность, быть объединены его личностью или, если с одним творцом текста связано несколько слоев,— этап его творчества.

Вот почему, исправляя текст, нельзя соединять разные этапы развития текста, каждый из которых представлял собой известное единство. Нельзя соединять различные редакции, изводы, виды текста. Думаю, что это положение, в известной мере, может быть применено и к исправлениям текстов писателей нового времени на основании черновиков, отдельных списков или изданий, если только это не делается со строгим учетом истории текста как единого целого, сохраняющего эту целостность на всех этапах своего существования.

7. Изучать текстологическое сопровождение (конвой) памятника в сборниках (кодексах)

Если произведение переписывалось писцами в составе сборников, имеет в этих сборниках устойчивое, более или менее постоянное окружение другими памятниками, то это текстологическое окружение в списках («конвой») следует внимательно изучать.

Большинство древнерусских литературных произведений дошло до нас в составе сборников (кодексов). Связь между дошедшими до нас литературными произведениями в сборниках или вне их может быть очень различна — от самой тесной по содержанию до минимальной, от исторически сложившейся до случайно создавшейся в единственном списке в результате механической работы последнего писца или даже просто переплетчика, переплетшего вместе различные по содержанию и разновременные рукописи.

Изучение исторически сложившихся сборников с устойчивым или только относительно устойчивым составом открывает новый, дополнительный источник для восстановления истории текста входящих в них литературных

произведений, для суждения о литературных вкусах читателей и переписчиков, для выяснения того, как понимался древнерусскими читателями и переписчиками жанр произведения, его идейный смысл для изучения общих сознательных изменений текстов и общих механических ошибок и пр.

Конечно, не все важно в составе рукописей. Только в той части памятника, которая переписана одним писцом или «дружиной» («артелью») писцов,¹ работавших по единому указанию, мы можем определить то важное текстологическое явление, которое я и предлагаю называть «конвоем». Под этим термином следует понимать такое сопровождение текста изучаемого произведения в сборниках, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях, хотя бы внутренней связи у изучаемого произведения с памятниками, его сопровождающими, и не было.

Конвой может занимать в рукописях различное положение относительно изучаемого памятника. Он может следовать за памятником, предшествовать ему, «обнимать» его с обеих сторон, состоять из одного произведения или многих. Все это представляет интерес для исследователя, устанавливающего происхождение памятника, но самое важное, на что следует обращать основное внимание при изучении конвоя, это стабильность его положения относительно основного исследуемого памятника. Так, в конвой цикла рязанских повестей о Николе Заразском входит «Повесть об убиении Батыя» Пахомия Логофета. Эта повесть сопровождает рязанский цикл не во всех его редакциях, а только в древнейших и, кстати, служит одним из признаков, по которым эти редакции могут быть опознаны, но место, занимаемое этой повестью относительно цикла, различно: повесть следует за циклом, вторгается внутрь цикла в разных частях. Это объясняется тем, что «Повесть об убиении Батыя» рассматривалась переписчиками и древними редакторами текста как произведение того же круга и о тех же событиях.

¹ В древней Руси при больших монастырях или при дворах епископий и митрополий рукописи переписывались иногда целой «дружиной» писцов по единому указанию. В последнем случае работа группы писцов (она может быть в большинстве случаев установлена текстологически без особого труда) представляет такой же интерес, как и работа одного писца.

Любопытные данные по истории текста и вопроса о понимании древними переписчиками самого жанра произведения дает изучение конвоя «Сказания о киевских богатырях». Важное значение имеет установление конвоя произведений Грозного и Курбского, обычно объединяемых в единый цикл. Изучение конвоя произведений Ивана Пересветова помогло установить принадлежность Пересветову еще одного произведения: особой редакции «Повести о взятии Царьграда турками». «Повесть о двух посольствах», затрагивающая тему русско-турецких отношений XVI в., не случайно сопровождается конвоем других произведений, также касающихся русско-турецких отношений. Уже давно обращено внимание на состав Мусин-Пушкинского сборника, в котором найдено «Слово о полку Игореве». Может ли этот состав быть признан стабильным? Ведь сборники того же состава встречаются без «Слова о полку Игореве». Изучение этих сборников помогло бы нам установить ту рукописную традицию, в которой дошло до нас «Слово».

Невнимательное отношение к конвою приводило к тому, что исследователями не были установлены целые циклы произведений; больше того, в некоторых случаях литературные произведения неправильно и непоследовательно выделялись в сборниках. Поучительно, например, отношение исследователей к «Сказанию о князьях владимирских». Из-за пренебрежения к конвою из «Сказания» была изъята его органическая часть: «Родословие литовских князей». Сходное же «Родословие литовских князей» в близком к «Сказанию» «Послании» Спиридона-Саввы оставлялось. Только исследованием конвоя удалось правильно отграничить «Сказание» от сопровождающих его произведений и установить историю его текста.

Конечно, понятие «конвоя» относительно. Если текстолог меняет тему исследования, то тот памятник, который он раньше изучал как основной, может оказаться в конвое нового исследуемого произведения.

8. Изучать отражение истории текста произведения в других памятниках

Принцип комплексности ведет нас и дальше. Следует изучать не только списки данного произведения и списки других произведений, переписывавшихся одним и тем же писцом, а также целых книгописных мастер-

ских, скрипториев, но необходимо исследовать отражение данного произведения в других произведениях. Здесь текстология соприкасается самым тесным образом со сравнительным изучением литератур. Задача эта также очень важна для изучения древней русской литературы, где тексты отдельных произведений постоянно перекрещиваются. Приведу пример. «Повесть о разорении Рязани Батыем», по-видимому, относится к XIV в., а древнейший ее список — к XVI в. Для восстановления истории текста этого произведения за целые два века помогает изучение отражения этого произведения в других произведениях — в летописях, в «Слове о Дмитрии Ивановиче», в «Сказании о Мамаевом побоище», в «Сказании о взятии Царьграда» и т. п. Изучение отражения «Повести о разорении Рязани Батыем» во всех этих произведениях позволяет определить древнейшие чтения и древнейшие слои текста, а с другой стороны, с несомненностью доказывают, что текст плача князя Ингоря Ингоревича по убитым рязанцам есть позднейшая вставка: это переделка плача вдовы Дмитрия Донского Евдокии из «Слова о житии и преставлении царя русского Дмитрия Ивановича». Вставка эта позволяет решить и сложный вопрос о том, какая из двух основных редакций «Повести о разорении Рязани Батыем» древнее.

9. Изучать работу переписчиков и деятельность отдельных скрипториев

Принцип комплексности выводит текстолога за рамки изучения одного только данного произведения. Он означает, что изучение истории текста произведения должно вестись не только в пределах текста этого произведения и не только в пределах всего сборника (кодекса) как единого целого. Переписчик очень часто переписывал ряд произведений. Естественно, что он делал общие изменения во всех переписываемых им произведениях. У переписчика могло быть одинаковое ко всем текстам переписываемых им сочинений отношение. Следовательно, чтобы понять изменения текста интересующего нас памятника, необходимо изучать и изменения, вносимые тем же переписчиком в другие произведения. Кроме того, на происхождение исследуемого текста может указать

происхождение соседнего переписанного тем же переписчиком текста. Отсюда возникает необходимость изучения скрипториев, индивидуальности писца и пр.

Чтобы понять, насколько важен этот принцип комплексности, укажу на следующий пример. Чешский исследователь древнерусской литературы Я. Фрчек, а за ним и А. Мазон, исходя из отличий древнейшего Кириллобелозерского списка «Задонщины» от других, выдвинули свою теорию о двух «Задонщинах» и отождествили древнейший Кириллобелозерский текст с текстом первоначальным. Я. С. Лурье, а вслед за ним более подробно Р. П. Дмитриева подвергли исследованию всю книгописную деятельность переписчика Кириллобелозерского монастыря Ефросина, который переписал и этот, якобы основной текст «Задонщины». Выяснились любопытные детали: особенности Кириллобелозерского списка повторились в других текстах, переписываемых Ефросином, вплоть до самого словообразования — «Задонщина». Следовательно, концепция Мазона—Фрчека о первоначальности Кириллобелозерского текста «Задонщины» рухнула сразу и бесповоротно, а с этим вместе оказалось несостоятельным и все искусственное построение об отношении «Слова о полку Игореве» к Кириллобелозерскому тексту «Задонщины».

Могу сослаться и на другие очень плодотворные исследования деятельности переписчиков и составителей библиотек — Гурия Тушина (Н. А. Казаковой) и соловецкого архимандрита Досифея (Н. Н. Розова). Исследования эти новы и представляют принципиальную важность для текстологии. Надо надеяться, что они будут продолжаться и что будут, кроме того, начаты исследования отдельных древнерусских скрипториев в целом — Кириллобелозерского, Троицкого, Соловецкого, Новгородско-Софийского и пр.

10. Реконструкции текста не могут подменять собой реально дошедших текстов

Между критическим изданием текста и его реконструкцией есть принципиальное и очень резкое различие.

Реконструкция может быть только реконструкцией конкретного памятника или конкретного же вида памятника, не дошедшего до нас. Реконструируется несохранив-

шийся авторский текст, несохранившийся архетип наличных списков или только архетип какой-то части этих списков (редакции, вида, извода и т. д.).

В критическом же издании предлагается реально дошедший текст. В этом тексте могут быть отдельные исправления, но их отнюдь нельзя отождествлять с реконструкцией, ибо сама реконструкция — ни в коем случае не есть простое исправление текста.

В критическом издании мы исправляем механические описки, часто не зная, кому они принадлежат: может быть, это ошибки последнего переписчика, может быть — его предшественников, может быть, составителя одной из редакций памятника, а может быть, и самого автора. По существу текст остается текстом списка, но только удобочитаемым, удобопонимаемым и удобоцитируемым.

Перед реконструкцией же стоят совсем иные цели. Реконструктор не «исправляет» текст (исходный для реконструкции текст может быть вполне исправным или неисправным — это неважно), а на основании точного изучения истории сохранившихся текстов стремится восстановить состав памятника какого-то определенного этапа его истории, восстановить его текст по содержанию, его языковые формы и т. д.

Реконструктору приходится делать не отдельные, разрозненные исправления (так поступали только в первой половине XIX в. и ранее), а целостное восстановление, сплошь и рядом заменяя по различным соображениям понятный и ясный текст более сложным, менее доступным, внося изменения в конструкцию памятника, в его состав, содержание, идейную сторону, изменяя иногда языковые формы и т. д. Реконструируя памятник, приходится большей частью не «снимать» «напластования», «наслоения» и исправлять описки, а восстанавливать древний текст какого-то одного и притом вполне определенного этапа в жизни памятника.

Текст критического издания памятника — это реальность. Текст реконструкции, как бы она тщательно ни была выполнена и какую бы уверенность в своей правильности она ни внушала ее составителю, — всегда гипотеза, точность которой может быть доказана только одним путем: находкой нового подлинного списка с этим самым реконструированным текстом. Но в этом, последнем слу-

чае необходимость реконструкции исчезает, и она должна быть заменена изданием найденного списка.

Само собой разумеется, что никакие «частичные» (неполные) реконструкции, «приближенные» к авторскому тексту, «сводные тексты» не могут быть приняты.

Реконструкция должна быть реконструкцией, т. е. гипотетическим восстановлением строго определенных и конкретных этапов в развитии текста. При всей гипотетичности таких реконструкций они по крайней мере пытаются представить если не реально дошедший до нас текст, то тот текст, который мог реально существовать. Если же пытаться создавать текст сводный — на основании различных чтений разновременных текстов и при этом лишь «приближающий» нас к авторскому тексту в отдельных своих частях, а в других остающийся поздним, то это значит создавать компилятивный текст, который а priori никогда не существовал и не мог существовать, текст, смешивающий различные этапы в жизни памятника. Это значит, иными словами, придерживаться антиисторических принципов издания текста. Сумма подлинных частей еще не составляет подлинного целого. Поэтому всякого рода компиляции из подлинных элементов, внесение более ранних элементов в более поздние тексты, соединение различных чтений из различных списков, разрушение цельности текста путем частичных восстановлений и улучшений текста отнюдь не является реконструкцией. Издание реконструкции типа «сводных текстов» — текстов, представляющих собою выборку «древнейших» чтений из разных списков — давно пройденный этап в развитии русской науки.

Наконец, против «частичных» реконструкций, сводных текстов, текстов, «приближенных» к оригиналу, следует выставить и еще одно возражение. Всякая реконструкция текста есть реконструкция и его языковой формы. Компилятивно соединять текст из разновременных и различных по месту происхождения и по переписчикам кусков невозможно с языковой точки зрения. Это неграмотно лингвистически. Нельзя соединять разные этапы развития текста, нельзя смешивать в одном тексте языковые формы разных эпох, стилистически и идейно разнородные тексты и пр.

Из изложенного ясно, что текстологическое изучение рукописного наследия древней Руси имеет большое и самостоятельное значение.

Главная задача этого изучения: установление истории текста. Главный методический принцип — соблюдать во всем историчность и на всех этапах изучения текста учитывать его взаимосвязи с другими текстами, соблюдать принцип комплексности изучения.

Если опыт текстологии древнерусских произведений позволительно применить и к текстологии памятников других литератур, тогда можно будет сказать, что текстологическая работа имеет принципиально важное значение в развитии литературоведения. Это фундамент, на котором строится все последующее литературоведческое исследование. Выводы, подтвержденные изучением движения текста памятника, приобретают объективность, ибо только изучение динамики текста (будь то динамика авторской работы над текстом или динамика жизни памятника в руках его многочисленных переписчиков) показывает направление творчества, вскрывает намерения автора, переписчиков и переделывателей. Интерпретация произведения, доступного только в одном тексте (одном списке или в нескольких списках, но с одинаковым текстом), всегда может оказаться субъективной. Только между двумя точками можно провести линию, которая будет точно указывать направление движения; так же точно только два (или больше) текста твердо указывают цели и намерения авторов и его «соавторов»-переписчиков.

Обычно читатель пассивно и в известной мере субъективно воспринимает окончательный, неподвижный вид произведения; исследователь же обязан по мере возможности восстановить процесс творчества, «историю текста», так как именно эта история текста дает ему наиболее объективное основание для того, чтобы судить об идеях автора, его намерениях как творца художественной формы и т. д. В свете этого реального движения текста исследователь обязан воспринять и «последнюю волю» автора. «Последняя воля» выражается не столько в последнем тексте, сколько в движении текста к этому последнему этапу.

Древнерусское литературное творчество, где в подавляющем большинстве случаев перед нами выступает

коллективный автор, не в меньшей мере, а, очевидно, в гораздо большей нуждается в изучении динамики текста, с тем только различием, что эта динамика гораздо сложнее, чем в творчестве личном. Почти каждая древнерусская рукопись являет собой в той или иной степени одновременно: и законченный и переходный этап развития памятника. Каждый список древнерусского произведения предназначался для читателя (в этом отношении он был законченным этапом движения текста; черновики до нас почти не дошло), но вместе с тем он мог служить основой для новой его переделки и переписки (в этом смысле он представлял собой переходный этап движения текста, своего рода «черновик»).

Итак, только изучив движение текста, можно с большей или меньшей уверенностью говорить о намерениях автора, составителя свода, компилятора, редактора текста, его переписчика.

Текстологическое раскрытие памятника — это то «поле радостной битвы», которое только и может принести исследователю прочные и навсегда одержанные победы, которое дает ему и столь важное и в литературоведении ощущение памятника «на ощупь».

Из всего сказанного вытекает, что текстология — это фундамент исследования литературы, древнерусской по крайней мере. Текстологию нельзя рассматривать как «систему филологических приемов» для установления текстов.

Правильное издание текстов — это одно из практических следствий, вытекающих из наших точных представлений о том, как текст слагался и изменялся, но этим значение текстологии не только не исчерпывается, но и не определяется.

Значение текстологии как основы литературоведения особенно отчетливо в изучении древней русской литературы, где движение текста произведений длительно, многообразно, сложно, не имеет границ и не связано современными нам представлениями об авторской собственности. Учитывая взаимосвязанность всего рукописного наследия, текстолог значительно облегчает себе работу по установлению истории текста.

Положения данной статьи развиты мною более подробно в книге «Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв.» (М.—Л., 1962). Там же и библиография по каждому из затронутых здесь вопросов.